

УДК 821.111-311.1
ББК 84(4 Вел)
М29

Maggie Ann Martin
TO BE HONEST

Печатается с разрешения издательства Feiweil & Friends, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Мартин, Мэгги Энн.

М29 Если честно: роман / Мэгги Энн Мартин; пер. с англ. О. Городецкой. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Молодежный роман).

ISBN 978-5-17-114126-4

Когда ее старшая сестра уезжает в колледж, Саванна с трудом может представить, как теперь она будет ладить со своей мамой – после участия в телешоу «Сбрось вес» та помешалась на изнурительном спорте и диетах и постоянно намекает дочери, что ей не помешало бы похудеть. Парни тоже не обращают на девушку внимания, но это не волнует Саванну, ведь ей комфортно в своем теле и она не собирается его менять ради прихотей других людей. И когда в ее жизни появляется Джордж – двоюродный брат ее подруги и новый одноклассник, она уверена, что их дружба никогда не сможет перерасти во что-то большее. Потому что крутые парни не влюбляются в полненьких девушек. Или же влюбляются?..

УДК 821.111-311.1
ББК 84(4 Вел)

© 2018 by Maggie Ann Martin
© О. Городецкая, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019
В оформлении использованы материалы, предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

ISBN 978-5-17-114126-4

Глава 1

Я в жизни не видела такого количества зигзагов в интерьере. Мы медленно распаковывали вещи сестры в ее маленькой обшарпанной комнате в студенческом общежитии, и я поймала себя на мысли о том, что не могу себе представить, как здесь можно создать домашний уют. В нынешнем виде она напоминала мне чуть улучшенную тюремную камеру с потрепанными кроватями-чердаками и отдельно стоящей в углу раковинной. Бетонный пол окончательно сводил на нет попытки сестры придать комнате хоть какой-то лоск. Похоже, в общежитии начали замену напольных покрытий, но то ли закончились деньги, то ли до комнаты Эшли в этом году просто не успели дойти. Повезло Эш!

Я помогла сестре застелить кровать (надо сказать, та еще задача), и мы захихикали, когда угол натяжной простыни сорвался с матраса и щелкнул ее резинкой по носу. Слава богу за эти моменты, когда мы могли посмеяться и забыть о том, что должно было произойти через несколько часов. Забыть, что впервые за семнад-

цать лет мне придется жить одной, без сестры — моего лучшего друга.

Сколько бы раз Эшли ни пыталась заговорить о своем отъезде этим летом, я всегда отворачивалась и затыкала уши. Для меня это было невыносимо, и я предложила отложить все грустные и сентиментальные разговоры на последний момент. А уж в откладывании на потом я профессионал. Особенно если это касается чувств.

— Девочки, вы же постелили защиту от клопов между матрасом и простынями? — спросила мама, сверяясь с длинным списком, который она распечатала с одного из своих любимых «мамочкиных» блогов.

— Ни один клоп не проберется в эту крепость, — сказала я, хлопнув по кровати. От этого хлопка с матраса соскочил другой конец простыни, и Эшли бросила на меня мрачный взгляд.

— Я же говорила, что надо брать простыни побольше, — сказала мама.

— Это напрасная трата денег. У нас полно нормальных односпальных простыней, — сказала Эшли.

Она — сама практичность, и ее мозг всегда ищет способы как сэкономить, в то время как мозг мамы — как потратить. Особенно очевидно это стало в последние два года, после развода мамы с папой, когда Эшли пришлось стать голосом разума в нашем доме.

— В списке написано экстрадлинные, — пробормотала мама.

Снова натянув простыню на матрас, Эшли хмыкнула, и мы обе слезли с кровати вниз. Я предложила помочь обмотать мерцающую гирлянду вокруг основания кровати, пока сестра с мамой, объединив усилия, устанавливали мини-холодильник.

Кто бы мог подумать, что холодильники бывают бирюзового цвета, да еще и с коралловыми цветами? Только Эшли была способна взять старый разбитый холодильник нашей двоюродной сестры и превратить его во что-то прекрасное. Но, в конце концов, она же поступала в школу кинематографии и творческий подход был неотъемлемой частью ее натуры.

Пока сестра и мама обменивались едкими замечаниями, пытаюсь найти удлинитель, чтобы поставить холодильник в идеальное по фэн-шуй место, я распечатала фотографии, которые Эшли взяла с собой. На одной из них мы с ней в летнем лагере в тот год, когда нас наконец поселили в одном домике. Нам обоим в том году пришлось спать вместе на нижнем уровне двухъярусной кровати, потому что Эшли боялась высоты, а я частенько падала с кровати. Если честно, я и не возражала. Это действует на удивление успокаивающе — чувствовать, что твоя сестра рядом.

На следующей фотографии была наша собака, точнее, ее собака Фиеро. Пес получил свое имя в то время, когда Эшли была помешана на мюзикле «Злая». Все в нашей семье вращалось вокруг «Злой» в течение всего восьмого класса Эшли.

Щенок пуделя на фотографии походил на маленького плюшевого медвежонка. С тех пор Фиеро превратился в двадцатитрехкилограммового хулигана, отличающегося особой страстью к поеданию косметики. Не сосчитать, скольких тюбиков помады я лишилась благодаря этому монстру.

На последней фотографии были Эшли, отец и я. Мы ездили в Голливуд на экскурсию по студии Universal, потому что как раз тогда Эшли заразилась идеей кино. Ей было, пожалуй, около двенадцати, а мне, соответственно, одиннадцать. На фотографии мы позировали на фоне городка Старз Холлоу из сериала «Девочки Гилмор» и смеялись как сумасшедшие. Скорее всего, отец симитировал пукающий звук прямо перед тем, как мы досчитали до трех, и мы не смогли сдержать смех. По другую сторону камеры я могла представить недовольное лицо матери. Она всегда отказывалась фотографироваться.

Мы продолжали работать в гнетущей тишине и тянуть время, тратя на несколько мгновений больше, чем необходимо, на каждую задачу. Стоило признать, что все закончено, и это означало бы, что пора уходить. Не думаю, что у мамы в ее бесконечном списке обязанностей по въезду в общежитие было включено прощание. Сколько бы блогов она ни прочитала, сколько бы заметок ни выписала, ничто не смогло бы подготовить нас к прощанию.

— Так когда приезжает твоя соседка? — спросила я.

Эшли захлопала в ладоши, когда холодильник ожил и заурчал, и повернулась, забирая фотографию с Universal из моих рук.

— Думаю, сегодня после обеда. Она живет в Кентукки, так что ей предстоит неблизкая дорога.

— Кентукки? Они там все едят жареным, да? Будь осторожна, а то потеряешь здесь все свои здоровые привычки, — сказала мама.

— Не думаю, что правильно обобщать пищевые привычки целой группы людей на основании названия сети фастфуда, в котором упоминается их штат, — сказала я.

— Мой метаболизм не изменился за последние восемнадцать лет. Со мной все будет в порядке, мам, — сказала Эшли. Я всегда завидовала тому, как легко она умела отделаться от мамы. Еще бы! Всю свою жизнь Эшли была высокой и стройной, тогда как я унаследовала совершенно иной тип фигуры.

Мама подняла палец, что всегда служило знаком начала спора, но тут же опустила руку, словно вспомнив, что мы здесь для того, чтобы оставить ее старшую дочь на первый год в колледже и сейчас не время для ссор.

— И она привезет диван? — спросила она вместо этого.

— Насколько я понимаю, она отложила диван в одном из магазинов Target поблизости, чтобы не та-

щить его с собой. Не волнуйся, она мне прислала варианты, и мы выбрали такой, который понравился нам обеим, — сказала Эшли.

— Потому что ни в чем нельзя полагаться на волю случая, — поддразнила ее я.

— Нет ничего плохого в том, чтобы знать, что тебе нравится, — ответила она. — К тому же первый выбранный ею диван оказался слишком дорогой. Так что я вообще сэкономила ей кучу денег.

— Я обязательно позвоню тебе, если мне когда-нибудь понадобится диван.

— Глупышка, ты просто воспользуешься моим.

Я вздохнула, подкручивая одну из лампочек гирлянды, горевшую не совсем ровно:

— Я просто пошутила.

— О да, конечно, — сказала Эшли, потирая голову. — Прости, я сама не своя сегодня. Мой шутокметр сломался.

— Это временно, — успокоила я, — он снова работает, как только ты обустроишься и начнешь чувствовать себя комфортно.

— Если это когда-нибудь вообще произойдет, — сказала сестра. Она наконец перестала носиться, расставляя вещи, и окинула комнату взглядом. Ее дыхание сделалось прерывистым, и я видела, как бегают ее глаза. У меня сердце сжалось, когда я увидела ее в таком состоянии, охваченную бурей эмоций. Мы часто шутили, что мы близнецы, родившиеся с промежутком

в двенадцать месяцев, и всегда на одной волне друг с другом в большей степени, чем обычно свойственно сестрам. К сожалению, и эти месяцы разницы в дате рождения лишили нас телепатии и одинаковой внешности. Внешне мы полная противоположность друг друга. Эшли высокая, худощавая, с пепельно-русыми волосами, а я невысокая и пухленькая, с волосами настолько светлыми, что они кажутся почти белыми. Пожалуй, единственное, что унаследовали в равной степени мы обе, — это плохое зрение. Мы практически можем носить линзы друг друга.

Я притянула ее к себе, заключив в успокаивающие (и удобные) объятия. Наше телосложение идеально подходило для объятий.

— Конечно, произойдет, солнышко, — сказала мама, обняв нас обеих. Она прижалась щекой к моей макушке и надолго замерла. И тут Эшли пришлось выучить первый урок жизни в общежитии: если не хочешь, чтобы тебя беспокоили люди, врывающиеся к тебе в комнату, держи свою дверь закрытой... а еще лучше — запри ее для верности на замок.

— Ой, извините, — сказала девушка у двери. Ее волосы были собраны в небрежный пучок, съехавший на одну сторону. — Я просто хотела спросить, нет ли у вас лишнего скотча, который я могла бы одолжить. Шнур от моей микроволновки поизносился. Только не говорите старосте общежития, потому что, возможно, это нарушение правил пожарной безопасности, а у меня

сейчас точно нет ни времени, ни денег, чтобы покупать новую микроволновку. Так, что-то я лишнего наговорила. Привет. Меня зовут Яэль.

— Привет, — сказала Эшли, высвобождаясь из объятий. — А я Эшли. Это моя младшая сестра Саванна и моя мама.

— Ким, — вставила мама.

— Приятно со всеми вами познакомиться, — ответила Яэль, постукивая пальцами по дверному косяку, как будто ожидая чего-то, пока мы все трое разглядывали ее. Я на секунду повернулась к Эшли и попыталась телепатировать ей мысль о том, чтобы она достала эту клятую ленту, но она не уловила моего призыва.

— Эш, у тебя вроде есть скотч в верхнем ящике? — спросила я, милосердно избавляя всех от страданий из-за неловкой паузы.

— А, да. Есть, — ответила сестра, выходя из ступора. Она достала скотч и положила его в открытую ладонь Яэль.

— Ты реально спасла мне жизнь. До скорого, Эшли, — сказала та, просяив.

Эшли смотрела, как Яэль припустила по коридору, до тех пор, пока я не закашляла, чтобы привлечь ее внимание. Она резко развернулась и быстро продолжила распаковывать одежду. Я улыбнулась про себя. Знаю, Яэль показалась ей милой.

— Ну, вы двое, помогать собираетесь? — спросила все еще слегка покрасневшая Эшли.

— Мы полностью в твоём распоряжении, — отозвалась мама, — я начну складывать свитеры. Савви, не могла бы ты положить в ящик носки и белье? Показать тебе еще раз, как я складываю носки?

— У меня все под контролем, — ответила я.

Мы продолжили работать молча, пока не разложили-развесили аккуратно всю одежду Эшли в шкаф или ящики.

Мы уже по крайней мере три раза переставили с места на место те немногие безделушки, что Эшли позволила себе привезти в общежитие, и обсудили варианты перестановки холодильника на другую сторону комнаты. По сути, нам больше нечего было делать в этой комнате, а это означало приближение ужасного момента болезненного прощания.

— Ну, вот и все, — сказала сестра.

— Похоже, что да, — согласилась мама. — Боже, я рада, что они включили в список обязательных вещей водостойкую тушь для ресниц.

Мама притянула Эшли к себе и крепко обняла. Ее голова едва доставала дочери до ключиц. Эшли наклонилась, поцеловала маму в щеку и отстранилась, вытирая предательскую слезу.

— Я люблю тебя, цыпленок, — сказала мама, — думаю, мне лучше выйти из комнаты, пока я окончательно не расклеилась. Савви, я подожду тебя снаружи, хорошо?

Я кивнула, чувствуя, что комок в горле не дает мне вдохнуть. Как только мама вышла из комнаты, сила воли оставила нас с Эшли и мы крепко обнялись, сотрясаясь от рыданий. Мы никогда не расставались дольше чем на неделю, когда Эшли летом ездила в кинематографический лагерь несколько лет подряд. И даже те недели давались нам тяжело. Я не могла себе представить, каково это будет не видеться месяцами.

— Мы будем постоянно созваниваться по скайпу, — сказала Эшли, — и, как обычно, писать друг другу сообщения в течение дня. Изменится лишь то, что мы больше не будем находиться в одной и той же комнате.

— Это должно меня утешить? — спросила я.

— Я знаю, вы с мамой не очень ладите последнее время. Относись к ней помягче, хорошо? За последний год у нее в жизни произошли огромные перемены, и она приспособливается к ним. Я буду приезжать домой так часто, как только смогу, но я больше не буду буфером между вами. Расставь приоритеты, на что тратить свои силы, Савви. Хорошо? — сказала она.

Я кивнула.

— Постараюсь исправиться.

Сестра обхватила меня за плечи и заставила посмотреть ей в глаза.

— Ты сильнее, чем тебе кажется. Никогда не забывай этого, как бы ни было тяжело. И потом, я же

не на другом краю страны. Между нами всего несколько часов пути, если я тебе когда-нибудь понадобится.

Я снова кивнула, спрятавшись в ее объятиях в последний раз. Когда мы отстранились друг от друга, я почувствовала окончательность происходящего. Как будто от меня отрезали часть и я оставляю ее позади. Как Золушка свою туфельку, но только с так и оставшейся в этой туфельке ногой. Я решила, что, как и мама, если обернусь, никогда не смогу уйти, поэтому быстро вышла за дверь и закрыла ее за собой. Я взяла маму за руку, и мы пошли по коридору, потом вниз по лестнице к машине, сев в которую проплакали добрых пятнадцать минут, прежде чем двинуться в обратный путь.

Глава 2

Прошло ровно два дня, тринадцать часов и тридцать четыре минуты с тех пор, как мы оставили Эшли в штате Индиана, и мне не терпелось выбраться прочь из дома — подальше от неустанного внимания мамы. Мы наготовили и заморозили здоровой еды на месяц вперед, и если мне придется нарезать хотя бы еще одну морковку или сварить еще одну кастрюлю риса, я точно заору.

Слава богу, я заранее договорилась встретиться с моей лучшей подругой Грэйс и пойти с ее семьей на пикник в парке. Каждый год в этот день члены семьи Морено со всего Среднего Запада собирались, чтобы всем вместе весело провести время (и заодно посоперничать). Я поехала в основном потому, что это был шанс увидеть двоюродного брата Грэйс Матео... ну, и потусить с ней самой, конечно.

Фиеро, пудель-монстр, положил морду на мою кровать и глухо зарычал, напоминая, что пришло время вставать и играть с ним. Я со стоном перекатилась на край кровати и сжала его мохнатую морду в ладонях.

— Теперь, когда Эшли уехала, тебе не осталось ничего кроме как лезть ко мне, а? — спросила я.

Фиеро склонил голову набок, как будто пытаюсь понять меня. Его язык, который всегда казался великоватым для его пасти, вывалился на сторону, и я рассмеялась хриплым утренним смехом.

— Тебе повезло, что ты симпатичный, — сказала я, вставая, и Фиеро принялся в волнении прыгать по комнате, а затем понесся по коридору и вниз по лестнице. К своему удивлению, я услышала внизу крик мамы: «Фиеро!» Обычно в выходные она спит до полудня, но сегодня уже встала и делала растяжку в гостиной. Она сгибала руки за спиной под странными углами под нежные напевы Леди Гаги — мамину музыку для тренировок.

— Не хочешь присоединиться к нам с Фиеро на утренней пробежке? — спросила она, не оборачиваясь. Моя попытка прокрасться на цыпочках мимо явно не удалась.

— Звучит, конечно, заманчиво... — начала было я.

— Первый шаг к здоровой жизни — это научиться брать на себя обязательства, — отчеканила мама. В уме я вела учет всем мотивирующим мантрам, которые она твердила мне целыми днями. Эту она повторяла дважды в день.

— Очевидно, свои проблемы с обязательствами я унаследовала от отца, — сказала я.

И тут же пожалела. Мы старались не говорить о предательстве отца, который на втором году моей учебы в старшей школе изменил матери с одной из ее

подруг. Должно ли слово «подруга» стоять в таком случае в кавычках? Да. Мамина «подруга» спала с моим отцом где-то около года, прежде чем он спалился, оставив телефон с открытыми сообщениями заряжаться на кухонном столе, где тот и попался на глаза наивной второкурснице, то есть мне. Секстинг взрослых — это отвратительно.

— О, Саванна, — сказала мама, покачав головой и прочно уперев руки в бока. Она всегда принимала эту позу, когда хотела показать, насколько сильно огорчена.

— Извини, мама, мне пора идти к Грэйс. У них сегодня ежегодное семейное собрание. Хм, хочешь присоединиться?

Она покачала головой.

— Нет, спасибо, солнышко. Я сегодня пойду в спортзал. Желаю тебе хорошо провести время. Передавай спасибо Марии.

В ее ответе мне послышалась нотка осуждения, будто она хотела сказать, что я развлекаюсь, в то время как она совершенствует свой разум, тело и дух в спортзале. Большая часть того, что она говорила последнее время, звучала как упрек мне.

— Обязательно. Увидимся вечером, — сказала я и направилась на кухню.

— Может, прежде чем уйти, разогреешь одно из наших замороженных блюд? Тебе лучше избегать всех